

Михаэль Донхаузер

САМЫЕ КРАСИВЫЕ ПЕСНИ

перевела Анна Глазова

Книга поэта Михаэля Донхаузера «Самые красивые песни» продолжает серию «Новые стихи. Переводы»

Серия «Новые стихи» основана в 2015 году независимым книжным проектом «Порядок слов».

Экспертный совет: Елена Костылева, Илья Кукулин, Станислав Львовский, Александр Скидан, Андрей Черкасов, Константин Шавловский.

При поддержке:

Медленные книги | slowbooks.ru

Независимый альянс

ББК 83.3
УДК 82

Э62

Михаэль Донхаузер родился в 1956 году в городе Вадуц (Лихтенштейн). Окончил университет в Вене, с тех пор живет в Австрии. Первую книгу стихов издал в 1986 году, в последующем его книги были неоднократно отмечены литературными премиями, в том числе Премией Эрнста Яндля (2005) и Премией Георга Тракля (2010). Подборка стихотворений Донхаузера в русском переводе опубликована в журнале «Иностранная литература» в 2011 году.

Донхаузер М.

Самые красивые песни / Пер. с нем. А. Глазовой. — СПб.: Порядок слов, 2017. — 64 с.

© Matthes & Seitz Berlin

ISBN 978-5-9908277-1-4

ПЕСНЯ, ЗАПЯТАЯ, ФРАЗА

Михаэль Донхаузер родился и вырос в Лихтенштейне, закончил университет по специальности литературоведа, живет в Вене. Романист по образованию, он переводил с французского стихи Артюра Рембо и Франсиса Понжа. Первая книга его стихов вышла в 1986 году, с тех пор он издал более десятка поэтических и прозаических книг и сборников эссе. Данный перевод выполнен по книге *Schönste Lieder*, опубликованной в Базеле в 2007 году. Его книги много раз были отмечены престижными литературными премиями, в том числе Премиями Эрнста Яндля (2005) и Георга Тракля (2010).

В своих текстах Донхаузер переосмысливает наследие европейского модернизма и ищет новых способов и форм выражения на границах между поэзией и прозой, литературой и визуальным искусством, стихами и эссе об эстетике. Среди прочего он работает со стихотворной формой,

которую называет «фразы» (*Sätze*) или *Satzperioden* («циклы фраз»): каждое отдельное стихотворение состоит из одного предложения то с регулярным, то со своим особым ритмом и иногда с внутренней рифмой. Из таких фраз составляются книги, в которых все тексты связываются одним общим движением. Так построена и эта книга, «Самые красивые песни». Особенность этой формы состоит в том, что такие фразы, не являясь музыкальными, не являются и прозаическими, поскольку следуют предписанной логике и подчиняются своду правил, заданных поэтом. В книге «Близко к уклону» (*Nahe der Neige*, 2009) Донхаузер говорит о том, что ставит перед собой задачу уловить три перетекающих друг в друга движения: жест, указывающий на продолжение начатого движения, удержание движения вопреки знанию о неизбежном его затухании и замирание, к которому движение стремится. Каждая отдельная фраза-стихотворение в «Самых красивых песнях» проходит через эти три фазы, они и создают ритм так, как в силлабо-тонических стихах его создает шаг. При этом строгая форма сочетается у Донхаузера с чуткой фиксацией восприятия, улавливающего малые смещения в свете, воздухе и пространстве. В итоге его стихи оставляют ощущение прогулки то быстрым, то медленным шагом во внутреннем ландшафте обостренного внимания к органам чувств.

Словарем, образами и сюжетами эти тексты намеренно бедны. Нет смысла искать в них психологической глубины или философской рефлексии. По содержанию и выбору слов они легки, но точны, как слова в песне. Название книги как раз и отсылает к песням: автор говорит, что название «Самые прекрасные песни» он позаимствовал у музыкального сборника традиционных песен земли Каринтия в Австрии. На сюжетном уровне книга тоже близка песням, в ней возникают песенные мотивы: любовь, грусть,

прощание, смена времен года. Главным же материалом и средством становится пунктуация, а смысл несет пластика, выраженная в синтаксисе. Именно в особенностях построения фразы и находит выражение голос поэта.

Все фразы-песни здесь имеют одинаковый синтаксический инструментарий, ограничивающийся использованием исключительно запятой и точки. Однако функция у запятой не такая, как обычно, она полностью поэтически переосмыслена. Само управление в предложении оказывается поэтизировано и выведено на уровень опыта и вместе с тем осмысления. Фраза, притворяющаяся песней, претворяется в путешествие запятой через преграды союзов и связующих слов. Отчасти этому путешествию способствует то, что в австрийском немецком и том диалектическом подвиде, на котором говорит Донхаузер, союзы *wie*, *da*, *wo* используются не всегда и не совсем так, как на нормативном литературном немецком, и это сразу придает его текстам немного остраненное звучание. Тем не менее, одной региональностью языка нельзя объяснить все те изменения, которые происходят с подчиняющимися словами и подчиненными частями предложения у Донхаузера. Они как будто обмениваются знаками над разделяющими их запятыми и потому подходят к концу, к точке, не один за другим, а все сразу, одним структурированным, но общим целым. Их общность поет о такой любви, которая не просто фраза.

Анна Глазова

Песни, они же — фразы, фразы — они же песни, самые красивые, потому что они расцветают, единственно из самого языка, из любви, чтобы привлекать или чтобы оставить всякое привлечение, и слушаются только каждого единственного в своем роде расцветания, оказываясь самыми прекрасными в переходе из песни во фразу, из фразы в песню. В этом переходе скрывается и расставание, уходящее стихотворение, говорящее, поющее, оно и формула, и пение, как фраза оно начинается с допущения, как песня настраивается на преходящесть, словно только в них обоих сразу возможно то, что было бы упущено в песне или фразе по отдельности. Однако прежде них было записывание, которое мало что знало о себе самом, потеряло свое начало, но всё же, с прерываниями, продолжалось, ведь песни, лучшие, никогда не истинны, они только приближаются к истине, которой не может существовать там, где их нет. И так то, что ищет конца, остается незавершенным, хоть и придумывает конец, расставание, вместе с которым, возможно, как раз и приходит то, на что способны стихи, если они неспособны быть ни песней, ни фразой, а только песнями, самыми красивыми, во фразах, которые, будто надписи, почти не помнят, что находится вокруг них.

Как снова теплы были дни, и плющ
еще цвел, и блестели плоды, наливаясь
полней, свисая в едва уже пожелтевшие
листья, и потому иногда как хвала
возвышалось сказание, и с трепетом
опускалось, и лето, в плетях вьюнков.

И покачнувшись, падает, и позволяет, но
еще противится, и нас нужда склоняет
тихо, время здесь живет, ломается,
и вот останется последний блеск, ко-
торый убаюкает, дотлеет, и уйдет.

Беглый ложится свет полуденного
солнца на клумбы и грядки, где осы
кружат у плодов, поздний цвет, а поз-
же, нежно, тени сеются, ложатся, удли-
няясь, на газоны.

К вечеру сквозь дождь колоколá, ах
если б ты, туман сгустился тучей, и ве-
янье, и счет, и бой, и жизнь, звуча-
ли, словно вопрошали, в звуках терялся
зов, и слух.

Каким теперь пахнет теплом, когда ветер гонит увядшие листья в углы, и как долго искали мы то, что у нас было отнято летом, то, что дни теперь отдают, но смотри, скоро станет, ясно ляжет и мерцая дрогнет желтая листва.

Еще блестят березы у подножия насы-
пи под железной дорогой, значит, мы
увидимся снова, как увидели двое
влюбленных друг друга в тот вечер,
когда уж темнело и в рассеянном свете
серебрилась роса.

И наливается немного, алеет, и ломается, смотри, я видел руки, убаюкиванье, губы, как, клубясь и опускаясь вниз, склонилось то, что после тихо улеглось, и тонкий запах источался будто зря как бедный сон.

Есть песня, есть и есть, была и есть,
упав, опять поднявшись, песня, отдав,
теперь одна осталась и ушла, спу-
стилась в ночь, и ночь ту песню обня-
ла, меня она любила, оставившего всё.

Застывает на морозе, распыляется остаток, то, что есть, что умирает, ветер, мы ли те, кто в даль под деревьями уходит, в даль, туда, где нас давно ждет обнять очарованье.

Как далеки огни по ту сторону рельсов,
как тихо блестят в тени, где темное плетение ветвей делит и замечает нашу близость как след, как тебя, которая тут была, как меня, который нашел себя, ни с чем более не в единстве.

Красиво, так красиво, было, красиво было, и я пил, я видел, о, я видел, как качалось тихо то, что я, что слабым было, слабым, плакал, и видел то, что было далеко, и широко по-зимнему лежало поле, близко.

Темнеет листва, и то, что сбразивалось,
теперь замерзает, яснее небо, но до-
рога по берегу озера, она ждет, когда
мы пойдем по ней, такие зрячие, та-
кие плывущие, словно снова идем на-
встречу той смерти, которая слаще.

Опускался вечер, и в приближении
словно потеряны, словно объявлены
мертвыми, нивы лежали, и залы,
и темное, в меркнувшем свете, покои-
лось поле под паром, залито неонам,
среди гравия лужи сверкали.

И мимолетен снег, он падает, бежит по-
земкой, вьется, лилось вино, порока не
было в нужде, была луна, и бледный
блеск ее был медленный и снежный,
и зрябыла баюкавшая ночь, легка,
она, спустившись, преломилась словно
хлеб.

Опьяняло как дурман, и кружилась голова от того, что нас вело с удивлением к познанию, нас приветствовало, было в окружении, «так ли», «если» спрашивало и в ответ слышало, как чуждо слоги в пении из слов звучали.

И потому, что ночь, что ночь и далека
и холодна, случилось так, что легкое
как снег упало в сердце промедление,
а в объятия лишенность, и еще шаги
звучали, и еще огни ложились, словно
руки, на дорогу, на асфальте.

Склоняется, желтеет, облетает, всё тя-
нет, манит, прет, бродит, мерзнет,
и никнет, темным серебром блестит,
как озеро, уже не вижу.

Выпал снег, всё вокруг стало бледным
в белизне, обеднело и стоит, всё пу-
стынно, иногда лист качнется, упа-
дет, закружившись, или в вечер вдруг
поднимется вороной, и сквозь ветки
в неудачи чьей-то жизни.

Уехать в даль, когда она, укрыта дымкой, уже темнеет, чтобы еще раз вспыхнуло прощание, невосполнимо как новое свидание, как свет огней сейчас, в котором всё простирается, пока еще без исцеления.

Сердце, сказание, склонность, и всё то,
что близко, и овцы пасутся, и блеют,
я слышал движение, шорох, и стоящие
в ряд кусты винограда, покоились горы,
и был снегопад, и снег опускался,
и ночь опускалась в долину, светясь.

Словно снег и как снег далеко на свету
отражающий блеск, где деревья стоят,
где лежит на снегу в утешенье сучок,
или он там лежит от нужды, и ясны,
вверх к холмам меж полей, в поворотах
порой уходя с глаз долой и теряясь,
идут долго-долго пути.

Низко стоит, тянет солнце и лучи, как
руки, будт несут далеко, будто уже
давно я не вспоминал о тебе, не слал
привет и не чувствовал, как быстро-
течны для нас дни, последние, теперь.

И песню пела, пела ночь, и отдавала,
и брала она, и падала, сквозь ночь
всходила, ночь спала, одна осталась,
простиралась, и став усталой песня
петь устало стала, и была, раскачиваясь,
и бедна и ночью словно влюблена.

То осенняя листва, то уже набухли почки на ветвях сирени тихо, и опять похолодало, и теплели снова дни, и когда скрывалось солнце, тени блекли на газоне, убаюканные снова.

Обнаженными как руки были стопы,
промедление застенчиво как слух,
будто зрение плененное пленяло,
будто белыми бутонами, руками, тем,
как поднимались, как качались, как
покоились, дрожа, и, потеплев, как
потом и опускались руки.

Как тогда, нас обняв как судьба, становилось прохладным всё то, что, как будто подол, поднялось, и немного лежало листвы, и сказанием был и для нас расцветал этот вечер, но вот воцарилась нужда, и хвала, поникая, склонилась, и став одним целым, раздвоенным, став.

Немного тает снег и гладит отсветом
и мягким блеском, и время близко,
словно запах, и запахом полна долина,
светом, и спит земля, и тень кладет за
стеблем стебель, и с каждым взгля-
дом глаз распахнут вдаль, и всё синеет.

Был вопрос задан так, словно сам он уклонялся, а кивок в ответ как будто улыбался, соглашаясь, опускался, указуя, как покоится закрытый плод в себе, и говорилось «ты», и вздохом прерывалась речь, и вспыхивал румянец, и дыхание как шепот замирало.

Проснуться, и глубоко и сладко, и будто пасмурно, хотя светло, хотя подъем, и песня, и как сон, светало, и то ли беспокойно, то ли так, что не исправишь, еще так рано, еще спросонья, колеблясь, и кивнув с приветствием, оставшись.

И летят так легко облака, и холмы
вдаль бегут, и листва вслед холмам,
словно речь вдруг поднимется после
того, как упав, покачнется и вновь
вспыхнет в ветре светлей или ляжет
в тени, как вьюнок.

И ночь, как она отнимает страх,
как мерцает и брезжит, не спит, пока
я ищу слов, чтобы сказать, как она
прекрасна и как прекрасно, что руки
легли, обвив мне шею, будто не зря
это и пьянит, и ускользает.

Солнце покачивается, кивает в кустах,
тускло, глубоко тепло проникает
в склон, как будто снова, как будто
когда-то мимоходом сплелись руки
и пальцы успели стать листвой, пока
тревога не успокоилась на берегу
лавровым кустом.

И так как мы обнялись, облака загре-
мели близкой грозой, мы говорили
прощающими словами, а наш слух
будто говорил, что, вот, те дни, ведь
мы их считали, ведь это восторг,
это уныние.

Свет вечерний чертит ржавчиной пре-
грады, и приветствием, и словом,
и качнувшись, веет, мягко отражает,
и березы вслед за тем стоят у рельсов,
одиноким стало зренье словно полоса,
сиротством.

Как я видел, как бесплодно было то,
как дождь и воля падали и искупали
тяжесть капель, я их слышал, и как
улицы стремились, ах, сказанье
о сближеньи, о возможных именах
и местностях и об озерах.

Это утро, и рассказ был о кадучках с олеандром, как они стояли в ряд в свете утра, как блестели, серебристо и неярко, так что я спросил, как может это длиться, не меняясь, и качнулась, и согнулась ива низко и беззвучно.

Шел дождь, попеременно то сильный,
то постоянный, и поток и течение,
потому они и дрожали, деревья,
и как поднялся ветер, свет пропал,
то, что простилось, то, что осталось,
одиоко, обнявшись.

Был ли день, и просветы или падал,
и в глубокой дали облака скопились
плотно, было лето или вечер, небо
золотом сияло, даже самые верхушки
не качались или в поймах травы
рябью пробегали, вновь и вновь.

Проникновенны были ночи и глаза блестящи, касались, ласковые руки, дышали тихо, и с дрожью, близко, слышен шепот, и будто бы то открывались, то улыбались словно губы, стелились
листья, руки, реки.

Тускло и тихо текло и жилось, и лети
тели сквозь кроны деревьев, делен-
ные ветром, неслись облака, будто
долго, волнуясь, склоняясь, и склон-
ность и длилась, я мог бы, сказал
бы, и всё отдавалось, тускнело, сра-
сталось, тихо, влекомо.

Вечера воскресений, обживание дней,
тех, прошедших, и те разговоры, ка-
ковы они были, как мы шли, как
звучали имена, и качались и гнулись
виноградные ветки, в паденьи, в сме-
щеньи, и с шепотом, стойко.

И что-то гнет, гнетет, идет, и что-то
полнится собой и весит и висит,
и ждет, и тянет, боль, вина и сладость,
она пройдет и разомкнет всё то,
что позже зарастет, пока всё время
истечет.

Запах был, истекал, и как будто иссякали остря цветков, и промедление, чтобы облака успели, дрогнув, поймы рек наполнить тенью, и листва как волны разбивалась, увядала, истекала, шелестела и вилась, и шорох.

Песня, она же плач, он знает, как глубоко и близко и сумрачно склонялось, клонилось к вечеру, смотри, и поднималось, обнимало, и горечь в сладком оставалась, и каялось, рыдая, отпустив.

Как шелестит, ты слышишь, лист, как
в вышине, став тише, быстр и тускл, он
вьется вместе с тем, что летом близко,
и легко, и тайно было и светло,
и увлекло, склонило вниз, легло, на-
шло, себя сломив, в себя ушло.

Прибытие, немного пыли, промозглый
вечер, пустые площади и осень снова
с просинью на мостовых, и оставаться
ли, и где, сомнение втекало в речь.

Теперь уже снова пахнет тополиной
листвой, тепло и терпко, и тихо па-
дает свет, песня парит, тянет про-
хладой, но тени теплы до поры
и полны хрустом, треском, любовью
любви, полной собой, былой.

Листья, может быть, орехи, что там сыплется сквозь ветки, что там шелестит, как будто с тихим стуком, упадая или лежа на скорлупках, прокисая, претворяясь, бродит, мякнет.

К вечеру было дело, шел дождь, и поэтому листья шуршали, близился бедный сон, становился то запахом, то шорохом в комнате с отзвеневшими колоколами, с последним ударом долгий звук.

Потом откружится листва, осядет ночь,
шепнет «побудь», протянется во все
углы, как жар, удушье, не вздохнуть,
пока восходит то, что есть, пока ло-
жится то, что стало, и чуть дрожит
что вызревает.

Ветер, тихий, нарастает, свет, немного,
он склонился и упал, и наготове было
то, что то терялось, то нас скупно об-
нимало, будто наконец дождавшись,
близость тянется и путь, к отреченью
льнет ранимость.

Это вечер, и желание сохранить в себе
всё зрение и принять всё то, что рядом
с георгинами цвело, раскрывалось,
будто стала только видимостью жизнь
в тех садах, где все цвета умножаются
в цветах.

Михаэль Донхаузер

Самые красивые песни

Ответственный редактор: Александр Скидан

Редактор, корректор: Анна Изакар

Оформление серии: Арина Журавлева

Верстка: Дарья Бреслер

Подписано в печать 27.10.16. Формат 60 × 90 1/32. Объем 1,975 усл. печ. л.

Тираж 150 экз. Бумага офсетная. Печать цифровая. Заказ No 54865.

Для лиц старше 16 лет.

Отпечатано в типографии «Вишневый пирог».

115114, Москва г, Кожевнический 2-й пер,

дом № 12, строение 5